

V. Портреты

Эйтан Финкельштейн

Невезение Аарона Штейнберга*

Аарону Штейнбергу не повезло. Вот что писал по этому поводу крупнейший исследователь русско-еврейской литературы и шире - культуры, Шимон Маркиш: „В старой, дореволюционной «Еврейской энциклопедии» его нет: слишком рано. Соответствующий том «Краткой еврейской энциклопедии», выходящей по-русски в Иерусалиме, еще не появился.¹ Заглянем в главную справочную книгу сегодняшнего еврейства - в «Encyclopaedia Judaica»: длинная статья о старшем брате, Исааке Нахмане, левом эсере, первом наркоме юстиции в первом ленинском правительстве. К тому же плодовитом литераторе, писавшем на идиш, по-русски, по-немецки, по-английски, фигуре колоритной и характерной в самой несведенности концов с концами. Об Аароне - семь строк в виде добавки к Исааку Нахману. „Его брат Аарон, родился в 1891 г. в Двинске, писал на философские темы и преподавал философию в С.-Петербурге (1918 -1923), переехал в Берлин в 1922 году, в Англию в 1934. Там продолжал писать, работал во Всемирном Еврейском Конгрессе, возглавляя отдел культуры до 1971 года и как представитель Конгресса в ЮНЕСКО с 1945 года. Писал о советской политике и о Достоевском, а так же на еврейские темы.“²

В действительности А.Штейнбергу не повезло не в том, что имя его не попало ни в одну из наиболее значительных еврейских энциклопедий. Жизнь складывалась так, что он постоянно оказывался между молотом и наковальней. Выпускник гимназии в городе Пернов (Пярну), он был вынужден - процентная норма! - отправиться в Германию ради получения высшего образования. В 1913 году это самое образование - степень доктора философии Гейдельбергского университета - он получил. Но тут-то началась первая мировая война и российский подданный Аарон Штейнберг был интернирован.

В 1918 году, при первой же возможности, он вернулся в Петербург, но уже через пять лет вынужден бежать и оттуда: щупальца большевистского террора до-

---

* Тезисы доклада „Аарон Штейнберг и русский Берлин“.

¹ Пространная статья об Аароне Штейнберге появилась в 10-ом томе «Краткой еврейской энциклопедии», вышедшей в 2001 году в Иерусалиме.

² Ш. Маркиш. В двух мирах. Еврейский журнал № 2. Мюнхен. 1991.

тянулись до „Вольфила“, последнего заповедника вольной науки, где Штейнберг сотрудничал с Блоком, Белым, Ивановым-Разумником и другими, впоследствии изгнанными из Советской России русскими философами и литераторами. Впрочем, пристальное внимание большевистских комиссаров привлекал и Еврейский университет, где Штейнберг преподавал параллельно с работой в „Вольфиле“.

Итак, Штейнберг бежит из России, бежит в Германию, не предполагая, что через четырнадцать лет ему придется бежать уже оттуда: щупальца нацистской гидры вот-вот дотянутся до него. На этот раз он бежит в Лондон, где начинается новый этап его жизни - практическая деятельность в качестве организатора еврейской культурной и общественной жизни в диаспоре. В течение 20 лет, начиная с 1948 года, он возглавляет отдел культуры Всемирного еврейского конгресса (ВЕК). Годом раньше становится представителем ВЕК в ЮНЕСКО, участвует в деятельности знаменитого ИВО,³ а также института еврейских проблем ВЕК. Более всего, однако, велики заслуги А.Штейнберга в создании Мемориального фонда еврейской культуры (Memorial Foundation for Jewish Culture), который и по сей день является главным спонсором еврейских исследований всюду по миру. Это именно А. Штейнберг настоял на том, чтобы значительная часть немецких репараций была направлена на сохранение, изучение и развитие еврейского культурного наследия, это он определил основные направления деятельности Мемориального фонда.

В Лондоне А. Штейнберг - философ, исследователь, переводчик - проявил себя в новом качестве, в роли организатора еврейской жизни в диаспоре и добился здесь существенных успехов. Но вдумаясь - везенье ли это? Нет, невезенье! Блестяще образованный, в равной степени свободно владевший семью языками, в равной степени твердо, двумя ногами, стоящий в трех культурах - еврейской, русской и немецкой, ученый по складу ума и души, он явно претендовал на место среди выдающихся мыслителей своего времени. Во всяком случае знакомство с его трудами, посвященными творчеству Достоевского, Герцена, Лаврова, поэзии Блока, анализу трудов Канта, Спинозы, Карсавина, свидетельствует о том, что интеллектуальный и творческий потенциал А. Штейнберга был ничуть не ниже, чем у его современников, завоевавших всемирную известность в качестве выдающихся умов своего времени. Невезенье же заключалось в том, что и в Лондоне Штейнберг оказался между молотом и наковальней. С одной стороны заманчивая перспектива стать университетским профессором и целиком отдаться науке. С другой - Катастрофа европейского еврейства и сознание своей личной ответственности, своего долга еврейского интеллигента и набожного, строго соблюдающего предписания Галахи, еврея перед историей. Думаю, два последних обстоятельства заставили Штейнберга отказаться от научной карьеры и заняться

---

³ ИВО (Идише висентшавтлехе организацие) - международный институт для изучения языка идиш, литературы и фольклора на идиш.

делами практическими, стать по существу политическим функционером. Но к серьезной карьере на поприще политики Штейнберг вовсе не стремился, рекламы и просто известности избегал, предпочитая оставаться в тени реальных дел. (Кто из десятков тысяч людей, пользовавшихся в разное время услугами Мемориального фонда, знает, что инициатором его создания является А. Штейнберг?)

Подтверждение того факта, что Штейнберг до конца жизни оставался самим собой, не перековавшись в политика, мы находим и в другом. Выйдя на покой в конце шестидесятых, он пишет, точнее, диктует на магнитофонную пленку удивительные по свежести и остроте воспоминания под названием „Друзья моих ранних лет (1911 - 1928)“. (первоначальное название „Мои встречи с русскими интеллигентами), из которых становится ясно, что этот западный политик и еврейский функционер, проживший полжизни в Англии, считает себя русско-еврейским интеллигентом старой, дореволюционной закваски. И ни кем иным! Эти воспоминания, изданные в Париже малым тиражом, привлекли внимание исследователей и стали ценным материалом для изучения и понимания Серебряного века русской литературы и его главных фигур: Белого, Блока, Иванова-Разумника, Льва Шестова.⁴

Нас, однако, будет интересовать немецкий, самый неизученный и неосмысленный период, составивший в общем почти четверть жизни Штейнберга.

В 1922 году А. Штейнберг поселяется в немецкой столице и с головой уходит в жизнь Русского Берлина, хотя никто и ничто не мешало выпускнику Гейдельбергского университета с дипломами юридического и философского факультетов стать частью немецко-еврейского или просто немецкого культурного ландшафта. Но вот вопрос - что представлял из себя Русский Берлин?

Написано и сказано на эту тему немало, при этом из поля зрения исследователей не ускользнул тот факт, что политический ли, литературный ли, музыкальный ли, да и всякий другой Русский Берлин в непропорционально большой части пестрит еврейскими именами. Не припомню, однако, чтобы кто-нибудь попытался на основании этого факта поставить под сомнение миф о евреях, как о творцах большевистской революции и опоре советского режима. Оно и понятно, ведь и большевистская элита в постреволюционный период, да и советская - в предвоенный, пестрела еврейскими именами не в меньшей степени. Феномен сей невозможно объяснить без экскурса в историю русско-еврейских отношений XIX - начала XX веков.

Хотя около миллиона бывших польских евреев оказались в русском подданстве на переломе XVIII и XIX веков, реальное вхождение их в русскую жизнь началось в эпоху Великих реформ. До того же, запертые за высоким забором Черты оседлости в западных губерниях, евреи соприкасались все с теми же поляками,

---

⁴ Жорж Нива. „Спящие и бодрствующие“. Предисловие к книге „Друзья моих ранних лет“. Синтаксис, Париж, 1991.

малороссами, белорусами, литовцами, с которыми жили века, но никак не с русскими, редкие представители которых появлялись в здешних краях в форме чиновников или офицеров. (Удивительный факт приводит в своих воспоминаниях сенатор и поэт Г. Р. Державин. Получив задание императора Павла расследовать обстоятельства голода в Белоруссии, этот главный куратор еврейского вопроса в России отправился в Белорусский край и только там впервые в жизни увидел евреев собственными глазами. Но и говорить с ними он не мог в виду отсутствия общего языка). Любопытно, что писатели и поэты Золотого века русской литературы, начиная от А.Пушкина и кончая Л.Меем черпали сведения о евреях в первую очередь из библейских текстов или западноевропейской литературы (Исключение составляет разве что малоросс Н. Гоголь, который весьма живо и без малейшего сочувствия к жертвам описал еврейские погромы).

Как бы там не было, реформы Александра Второго явились мощным стимулом приобщения российских евреев к русскому языку, российским навыкам жизни, русской культуре. Ибо все это открывало ворота из средневекового гетто, из ужасной скученности, нищеты, убогости бытия.

Попытки выхода из внешнего гетто сопровождались стремлением вырваться из плена кагала и цадиков, религиозного начетничества и фанатизма. Из Германии в российскую Черту все шире проникали идеи немецкой Гаскалы - просвещения, перерабатывались здесь, приспособлялись к реальностям России и вели к появлению российских евреев новой формации. Короче, в 60-70-ые годы XIX столетия евреи Черты буквально ринулись штурмовать русские школы, гимназии, всевозможные училища и другие учебные заведения, вплоть до университетов.

Подобный напор испугал церковные и светские власти, испугал торговый класс и интеллигенцию. Реакция последовала незамедлительно. Ограничения, запреты, всевозможные процентные нормы посыпались как из ведра. Теперь уже евреев обвиняли не в невежестве, убогости и незнании русского языка, а в стремлении к засилью в учебных заведениях, в торговых гильдиях, в адвокатуре, в попытках вытеснить русских оттуда и отсюда. Ограничительные законы власти издавали один за другим с не характерной для них расторопностью. Короче, столкнулись два потока: один из гетто, другой - в противоположном направлении: запретить, не дать, ограничить! В результате этого столкновения развитие еврейской жизни в Российской империи пошло по другому руслу, нежели в странах западной половины Европы. Там, во Франции, Австрии, Германии отказ евреев от средневекового уклада, приобщение к языкам, культуре и традициям табельных наций сопровождался снятием с них правовых ограничений и напоминал то, что на современном языке называется „интеграцией в общество“. В результате к началу XX столетия евреи Германии уже называли себя немцами Моисеева закона. Не смотря на рецидивы антисемитизма, французами чувствовали себя - и были

ими по существу! - евреи Франции. Религия - вот единственное, что связывало евреев продвинутых западноевропейских стран с прошлым.

Иное дело Россия. Желание вырваться из средневековья и невозможность приобщиться к русскому обществу (невозможность не только правовая – немногочисленные группы евреев, получившие право жительства в городах собственно России фактически не могли выйти за рамки круга единоверцев в силу общественного предубеждения против них, доминировавшего во всех слоях русского общества) привели к возникновению феномена, который можно назвать национально-культурной автономией. Разумеется, автономия эта существовала лишь де-факто, да и формально структурирована она не была, тем не менее имела свои партии, газеты и журналы, культурные, общественные, благотворительные и прочие организации. Имела она и своих неформальных лидеров как местного, так и общероссийского масштаба. Роль последних выполняли крупные еврейские филантропы, известнейшие петербургские адвокаты, столичные раввины, а позже и еврейские представители в Думе. Короче, к началу XX века в России сформировался шестимиллионный Русско-еврейский центр, размаху общественной и политической жизни которого, интенсивности культурной и глубине духовной - могли позавидовать многие малые народы Европы. Многие нацменьшинства Центральной Европы, которым в дальнейшем удалось создать собственные независимые государства, к тому времени могли только мечтать о таком количестве партий, газет, театров, журналов, религиозных и светских учебных заведений, сколькими располагало российское еврейство на переломе XIX и XX веков. Главной же характеристикой еврейской автономии стала двойная принадлежность его адептов: к русскому языку и к еврейскому, к русской культуре и к еврейской, к русскому обществу (отрицая его юдофобское начало и сословное бесправие) и к еврейскому миру. В этом свете и Аарон Штейнберг, и его брат Исаак - ленинский министр в ермолке, явления отнюдь не маргинальные, как это представляется сегодня. Хотя идеологом национально-культурной автономии считается историк Семен Дубнов, в действительности он лишь теоретически обобщил то, что реально складывалось в жизни. Перспективы шестимиллионного Русско-еврейского центра Диаспоры, разумеется, после отмены правовых ограничений, Дубнов оценивал очень высоко. Будущее Русско-еврейского центра виделось Дубнову в качестве опоры и ведущей силы мирового еврейства.

Пророчествам историка не суждено было сбыться. Ослепленные юдофобией российский правящий класс, монархические круги и в первую очередь император Николай Второй не желали идти на снятие средневековых ограничений даже для той части еврейского сообщества, которая полностью вписалась в российскую жизнь, стала ее органической частью. Невероятно, но поэт и публицист Семен Фруг, фельетонами которого зачитывалась вся страна, не имел права жительства в Петербурге и вынужден был покинуть северную столицу. Что и говорить о

ритуальном процессе Менделя Бейлиса, который власти затеяли уже в эпоху радио, авиации и микробиологии!

Политика двора и правительства способствовали возникновению в еврейской среде другого, параллельного автономизму, течения. Не приобщение к русской культуре и нормам российской жизни с сохранением верности еврейской культуре и религии, но отрицание всякой традиции, всякой религии и всякой культуры - вот что стало привлекательным для части еврейской молодежи, сходящей с ума от своего бесправия. Поверхностные идеи социального равенства, атеизма, интернационализма и мировой революции, которая по велению волшебной палочки сделает всех равными, счастливыми и богатыми захватывала воображение местечковых мечтателей, толкала их в ряды радикальных групп и организаций.

Впрочем, проблема заключалась не только в троцких и мартовских. Дело в том, что русско-японская война 1904 года, первая русская революция 1905 года и прежде всего мировая война вырвала из нормального жизненного русла сотни тысяч обитателей черты оседлости. Оторванные от родной культуры и традиции, но и не имеющие времени и возможности приобщиться к российской традиции, сотни тысяч людей, будь то призванных в русскую армию солдат или высланных в глубинные районы России жителей белорусских и украинских местечек, стали легкой добычей революционных агитаторов всех мастей. Более того, первая мировая война и революция в России остановили поступательное движение истории. После распада Российской империи живое тело российского еврейства оказалось разорванным на части, о национально-культурной автономии, о создании крупнейшего в мире центра Диаспоры не могло быть и речи. При этом русский осколок бывшего Центра попал под власть большевизма. Оторванные от своих центров в Польше, Литве и на Украине, терзаемые жестокими и изощренными инквизиторами, зачастую еврейского же происхождения, русские евреи быстро превратились в аморфную массу, из которой советский режим черпал своих приверженцев.

Итак, в октябре 1917 начался большой погром - беспощадное уничтожение традиционного российского общества, и как части его - Русско-еврейской автономии.⁵ Правда, идеи Дубнова нашли свое воплощение в независимой Литве и других вновь образованных Балтийских республиках, но и Русско-еврейский центр не исчез в одно мгновение. Вместе с частью традиционного российского общества он ушел в эмиграцию. В мозаике Русского Белграда, Русской Риги,

---

⁵ Намеченный сразу после Февральской революции Всероссийский съезд еврейских общин, призванный провозгласить национально-культурную автономию для еврейского населения страны, все же состоялся в Москве 30 июня 1918 года. Но проходил он под строгим надзором большевиков из Еврейского комиссариата и при отсутствии делегатов от западных областей. Решение съезда о создании "общинного центра" так и никогда не было выполнено, а в 1919 году последовал декрет о закрытии всех еврейских общин на местах и ликвидации Общинного центра. Указ был подписан Сталиным и Агурским.

Русской Праги, Русского Нью-Йорка, Русского Парижа и Русского Берлина мы без труда обнаружим осколки Русско-еврейского центра, многих его выдающихся и менее известных деятелей. В Париже, в частности, оказался знаменитый адвокат, член ЦК партии кадетов, сенатор Максим Винавер, сотрудничавший там как в изданиях Милюкова, так и в Еврейской трибуне. Здесь же, в Париже, оказались известный петербургский адвокат Оскар Грузенберг, публицист и сионистский лидер Владимир Жаботинский и бесчисленное количество русско-еврейских писателей, публицистов, издателей, многие из которых трудились не только на ниве русской и еврейской, но и французской журналистики. Здесь стоит вспомнить имя Пьера Лазарева, главного редактора самой тиражной французской газеты Франс Суар и его жены Елены Гордон, основавшей популярный женский журнал Эль.

Нас, однако, по-прежнему будет интересовать именно Русский Берлин, еврейская составляющая которого была не менее значительной, чем в Русском Париже. По всей видимости, это объясняется тем, что сюда из Литвы переехал патриарх еврейского возрождения в России последней четверти века историк Семен Дубнов. Вокруг него концентрировались русско-еврейские интеллигенты, в числе которых оказался и Аарон Штейнберг.

Правда, в Берлине Штейнберг начал с сотрудничества в идишистских и немецко-еврейских периодических изданиях, а также в русских журналах Скифы и Версты. В журнале Версты он, в частности, опубликовал и по сей день представляющую большой интерес статью „Достоевский и евреи“, а в третьем номере Верст за 1928 год, где была опубликована работа Льва Карсавина „Россия и евреи“, он поместил ответ русскому православному мыслителю.

В чем же состоял спор двух философов?

Мир российского еврейства представлялся Карсавину в виде такого здорового „религиозно-культурного ядра“ и „разлагающейся периферии“, зараженной космополитизмом, революционным духом и нигилистической энергией. Решение еврейского вопроса в России Карсавин видел в создании еврейской православной церкви, в которой евреи тем не менее сохранили бы свою национальную индивидуальность. Штейнберг отвергает идею обращения Израиля в христианство, что, конечно, не было новым словом. Важнее, что этот ортодоксальный еврей, философ немецкой школы и российский мыслитель встал на защиту европеизированного, отошедшего от религии и традиций, русского еврейства. Социалистические идеи, мечты о справедливом устройстве общества, подчеркивал Штейнберг, восходят к пророчествам Исаяи и являются частью еврейской культуры. Что же касается „радиоактивной субстанции“ (по Карсавину – „разлагающейся периферии“), то она по Штейнбергу является извечной и неотъемлемой стороной неразлагающейся сущности еврейства.

Между тем, Семен Дубнов закончил работу над десятитомной Всеобщей историей еврейского народа. Понимая, что в ближайшее годы издать труд своей жизни на русском языке не удастся, он решил опубликовать его по-немецки. Для этого нужен был переводчик. Конечно, переводчиков с русского на немецкий было много, да и сам Дубнов прекрасно владел немецким, но в том-то и дело, что текст был особого рода, он требовал переводчика, одинаково твердо стоящего как в русской, так и в еврейской и немецкой культурах. В конце концов Дубнов остановил свой выбор на Аароне Штейнберге, с которым был знаком еще по Еврейскому университету в Петербурге. С того времени и началось творческое сотрудничество этих столь разных, но в чем-то самом важном, самом главном очень близких людей.

Над переводом Всеобщей истории Штейнберг трудился почти пять лет, вплоть до 1929, когда в берлинском издательстве Jüdischer Verlag вышел последний, десятый том. Также в переводе Штейнберга был опубликован важнейший труд Дубнова „История хасидизма“, по инициативе Штейнберга и при его активном участии была издана и сокращенная, трехтомная версия „Всеобщей истории еврейского народа“. В 1931 году Штейнберг стал одним из соучредителей „Фонда Дубнова“ и членом редколлегии издававшейся на идиш Немецкой энциклопедии. Его перу принадлежит ряд статей на философские темы, а также статьи в серии „Еврей“. Штейнберг редактировал сборник „Семен Дубнов. Человек и работа“, ему принадлежат многочисленные работы, посвященные еврейскому мессианству, отношению социализма к религии, творчеству Спинозы и многие другие. Короче, берлинский период Штейнберга - время исключительно интенсивных творческих поисков и находок, напряженного интеллектуального труда, сотрудничества с выдающимися мыслителями и учеными как на русской, так и на еврейской и на немецкой уличах.

Вынужденная эмиграция в 1934 году прервала этот исключительно насыщенный и плодотворный период, вынудила Штейнберга отдать все свои силы и энергию делам практическим. Но не в том не повезло Аарону Штейнбергу. Его зачастую пионерские труды, его достаточно обширное творческое наследие осталось в тени не только и не столько потому, что их автору пришлось сменить кабинет ученого на приемную политика. Штейнбергу не повезло не в 1934, а в 1917 году, не повезло в том, что русско-еврейский мир, которому он принадлежал по рождению, воспитанию и убеждению, был уничтожен, а Русско-еврейский центр Диаспоры так и не состоялся. На Западе труды Штейнберга, написанные по-русски, на идиш и по-немецки интересовали лишь очень немногих. Тем более совершенно недоступен и неизвестен был А. Штейнберг в Советской России. Как недоступны и неизвестны были там Дубнов и Карсавин, Винавер и Бердяев, С.Франк и Розанов, Милуков, Жаботинский и многие другие философы и политические мыслители, составляющие цвет как русской, так и русско-еврейской культуры.

Прошло много лет, рухнул советский режим, наследник того самого большевизма, который в свое время уничтожил традиционную Россию. Теперь россияне получили возможность познакомиться с собственным национальным наследием. И действительно, в начале 90-ых из небытия всплыли имена запрещенных литераторов, философов, историков. Интерес к ним, однако, был неглубоким и достаточно быстро угас. Стало ясно, что современная Россия, ее культурная составляющая, несмотря на большие претензии, является наследником не традиционного российского, а советского общества с его материализмом, атеизмом, нигилизмом и другими „достоинствами“. Теперешняя мода на религию и русскость скорее напоминает очередную компанию „партии и правительства“, нежели попытку осмыслить свое историческое наследие, понять тех, кто предлагал ей альтернативные пути до того, как случился коллапс 1917 года. Более того, отход России от демократии, возвращение к старым советским временам началось именно с культурной контрреволюции. Культурная элита страны в постперестроечные времена не только не сумела предложить обществу новые идеи и новые перспективы, но первой подняла плач по „старой квартире“.

Тем не менее, никто не знает, в каком направлении будет развиваться современная Россия. Так что у Федотова, Бердяева, Франка и Карсавина сохраняется шанс быть услышанным. Но его, этого шанса, определенно нет у Дубнова, Штейнберга, Винавера и Кулишера. Советские евреи, отличавшиеся от всех прочих советских обывателей исключительно графой в паспорте, отнюдь не ощущали себя национально-культурным сообществом, имеющим общее историческое и культурное наследие. Лишь единицам из единиц пришло в голову попытаться собственными руками построить собственное же будущее. Свободой первых лет перестройки основная масса этих людей воспользовалась для того, чтобы отправиться в далекие страны на поиски эльдорадо или, в большинстве случаев, просто устроиться под крылышком какого-нибудь - безразлично какого! - западного сердобольного покровителя. Безликая масса в два или более миллиона человек разбрелась по миру, пополняя население Израиля, США, Германии, Австралии и других стран. Именно населения, а не еврейских общин этих стран. Совершенно очевидно, что эти безрелигиозные и безнациональные люди уже во втором поколении растворятся в местном населении и безвозвратно исчезнут в качестве наследников русско-еврейской культуры и традиции. Аарону Штейнбергу снова не повезло.

Список основных работ А. Штейнберга

- А. Штейнберг. „Начало и конец истории в учении П. Л. Лаврова“. Колос, Ст. Петербург, 1922
- А. Штейнберг. „Система свободы Ф.М.Достоевского“, „Скифы“, Берлин, 1927
- А. Штейнберг. „Достоевский и евреи“, „Версты“, Париж, 1928
- А. Штейнберг. „Друзья моих ранних лет (1911 -1928)“. „Синтаксис“, Париж, 1991
- А. Штейнберг. „Социализм и мессианство“. Фрайе шриффт, Варшава, 1930 г. (идиш)
- Aaron Steinberg. History as Experience (Selected Essays and Studies), KTAV Publishing House, New York, 1983
- А. Штейнберг. „Друзья моих ранних лет“. Синтаксис, Париж, 1991